

TEMPS ABSOLUS RELATIFS ET ASPECT DANS L'HISTOIRE DES LANGUES SLAVES

[АБСОЛЮТНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ВРЕМЕНА
И ИХ СОЧЕТАЕМОСТЬ С ВИДОМ В ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ]¹

Dmitrij V. SIČINAVA [Д.В. СИЧИНАВА]

Institut de langue russe Vinogradov de l'Académie des sciences de Russie
[Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук]
Russie

Соотношение с видом славянских абсолютно-относительных времен, сочетающихся, согласно традиционной трактовке, значение абсолютного времени и таксиса: плюсквамперфекта («предшествование в прошедшем») и предбудущего («предшествование в будущем»), представляет значительный интерес с точки зрения диахронической эволюции этих времен и их семантического развития. В истории ряда отдельных языков плюсквамперфект или предбудущее приобретают сочетаемость (исключительно или преимущественно) с одним из видов. Для плюсквамперфекта в современных языках видовой контекст рассматривался на материале параллельного корпуса в работе А. Барентсена (Barentsen 2015). Согласно Барентсену, меньшая употребительность плюсквамперфекта в несовершенном виде (НСВ) связана с тем, что ретроспективное восприятие ситуации более естественно в целостно представляющем ее совершенном виде (СВ), чем в несовершенном, помещающем «окно наблюдения» внутрь ситуации.

---

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-34-01061 «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

Как известно, сфера употребительности абсолютно-относительных времен в славянских языках с диахронической точки зрения сокращается в целом, а не только в одном из видов. Распространена точка зрения об обратной корреляции сложности системы временных форм и степени развития в этих языках категории вида, иными словами, функции праславянских времен перенимает аспект (ср., например, Venacchio 2002: 88, где это утверждение делается относительно консервативной системы времен в словенских диалектах Фриули). Ср. объяснение Т. Бергером (Berger 2012) эволюции прошедших времен в чешском языке в контексте эволюции вида (см. ниже). Аспектуальные значения действительно являются важными конкурентами абсолютно-относительных времен и в таксисных, и в иных контекстах, но контрпримером к такой логике, не позволяющим абсолютизировать ее, может служить болгарский язык, в котором одновременно имеется зрелая категория вида и сохраняется праславянский набор времен, включая плюсквамперфект и предбудущее (ср. этот аргумент в Dickey 2000, Петрухин 2004).

В контексте плюсквамперфекта выбор аспекта тесно связан с семантической интерпретацией этой формы (о типологически известной полисемии плюсквамперфекта имеется значительная литература, перечень с иллюстрациями из разных языков приводится в Сичинава 2013, с 2016 года мы исследуем полисемию плюсквамперфекта на базе типологической анкеты; обзор формального и семантического многообразия в славянских языках см. Сичинава 2018). Речь идёт, соответственно, о значении аннулированного результата (*дом построили, но разрушили*) и прекращенной ситуации (frame past: *раньше люди зря не работали*). Второе из этих значений является вообще типологически более редким, а не только в языках с видом славянского типа, ср. Dahl 1985. В современных славянских языках прекращенная к моменту речи ситуация передаётся плюсквамперфектом фактически только в болгарском (*където (по-рано) беше лежало тялото на Исус*), как в старославянском, ср. евангельский пример из Varentsen 2015:

(1) [Мариѣ] видѣ дѣва анѣла въ бѣлахъ сѣдашта . единого оу главы . и единого оу ногу . деже **бѣ лежало** тѣло Исво).

Эти контексты выступают в зависимых предложениях для снятия неоднозначности, поскольку имперфект имел бы таксисное значение одновременности. Независимые предложения со значением прекращенной ситуации («Он сидел там, но сейчас его там нет»), по данным нашей анкеты, в славянских языках плюсквамперфектом НСВ не кодируются (в одном из хорватских переводов имеется СВ: *bio je sjeo tamo* «он сел (было) там»).

В истории восточнославянских языков сочетаемость плюсквамперфекта (с XVII-XVIII веков превратившегося в конструкцию с частицей *было*) и НСВ, по-видимому, эволюционировала сложным образом: на смену экспансии в русском пришло обратное сужение. В древнерусском, по В.И. Чернову, преобладающей была форма СВ,

а из глаголов НСВ использовалось лишь ограниченное количество, прежде всего *слышати*, *быти*², *жити*, *видати* (Чернов 1961: 61); к этому списку следует добавить (по данным древнерусского корпуса НКРЯ) *ити*, *їздити*, *ходити*, *лежати*, *царьствовати*, *воевати*, *ясти*, *клястися* и другие. В XVIII веке сочетаемость *было* с НСВ шире, чем в древнерусском (28 % примеров), однако к XX веку исчезают классы случаев типа *шел было* и *говорил было*, и доля НСВ сокращается до 16 % (Сичинава 2013: 214-218). В «простой мове» судебных книг Великого княжества Литовского почти все формы с *был-* стоят в СВ, причем рядом может находиться словоформа НСВ, относящаяся к тому же моменту, в обычном претерите (Ф.Р. Минлос, личное сообщение). Между тем сочетаемость плюсквамперфекта с НСВ в современных украинском и белорусском языках существенна; для белорусского она находится на уровне русского языка XVIII в. (см. Сичинава 2012).

Из современных языков форма плюсквамперфекта НСВ отмечена, помимо болгарского, также в сербохорватском, особенно в ранних текстах и фольклоре (Стевановић 1969/1989: 670-671) и словенском (Топоришич 2000: 399), причем опять-таки чаще в языке XVI века (Merše 1997: 15-16). Интересно, что форма в части примеров входит в противоречие с семантикой: в словенском литературном языке XX в. имеется отмеченное Топоришичем терминативное значение в сочетании с наречием «уже» (*so bili že večerjali* «они уже отужинали», *smo bili že molili* «мы уже кончили молитву»), характерное, вообще говоря, для перфектива. Таким образом, отмирание функции прекращенной ситуации ведет к сокращению круга сочетаний плюсквамперфекта с НСВ, а часть оставшихся конструкций такого типа переинтерпретируется.

Нетривиальное развитие демонстрирует и история чешского языка, где в древнечешский период глаголы СВ решительно преобладают (95 %-97 %), а в литературном языке времен национального возрождения XVIII-XIX вв. их процент падает до 69 %-77 % (см. статистику: Чернов 1961: 80-81); по гипотезе Т. Бергера (Berger 2012), это связано с закреплением и однозначностью таксисного значения у чешского СВ, в то время как НСВ может означать и одновременность (таким образом, его объяснение практически зеркально объяснению Барентсена). Сохранение же плюсквамперфекта СВ (казалось бы, уже ненужного) Бергер объясняет немецким влиянием. В современном чешском языке плюсквамперфект вообще употребляется фактически только в составе условного наклонения, в сочетании с *bych*, где это форма прошедшего времени.

2 В целом сочетание славянского плюсквамперфекта (где **byti* является вспомогательным глаголом) с самим глаголом **byti* не характерно (как и для бытийных глаголов во многих других языках). Это может быть одной из причин ограниченности сочетания перфекта с НСВ (учитывая частотность глагола-связки в контексте прекращенной ситуации); впрочем, в любом случае отнесение этого глагола к НСВ, особенно в древних текстах, имеет условный характер.

В современном русском языке НСВ сочетается с частицей *было* в основном с глаголами желания и попытки: *хотел было, пробовал было*. Данный процесс является частью так называемой «модализации» частицы *было* (о дискуссии вокруг модальной трактовки этой частицы см. также Varentsen 1986), происходящей также в СВ (ср. неестественность контекстов типа *построили было, да разрушили с «чистым» аннулированным результатом*). В болгарском такое сочетание, по данным нашей анкеты, невозможно:

(2) *Исках (*Искал бях) тази нощ да отида на разходка.*
 «Я хотел было пойти этой ночью погулять [но не пошел]».

Ср. возможность в боснийском: *Bio sam htio / htio sam otići prošetati po noći*, причем с практически синонимичным глаголом СВ плюсквамперфект допустим: ^{OK}*Бях решил тази нощ да отида на разходка «Я решил было...»*.

Из значений, популярных у плюсквамперфекта типологически, славянский НСВ ассоциируется также с экспериенциальным значением. Обычно речь идёт о так называемом неактуальном экспериенциале (например, в нашей анкете таким примером является фраза в устах человека, впервые пробующего вино: «Я никогда не пил вина»). Это значение имеется у плюсквамперфекта в болгарском (3а) и македонском (3б) и существовало в древнерусском:

(3а) Никога не бях пил (*съм пил) вино.
 (3б) Никогаш немав пиено ([?]немам пиено / [?]не сум пиел) вино.

НСВ кодируется также ситуация, являющаяся исходной точкой нарратива, ср. русскую сказочную формулу *жили-были* (об этой типологически известной функции плюсквамперфекта см. Сичинава 2013), но для современных языков она мало характерна.

Типологическим характеристикам предбудущего, прежде всего славянского, посвящен ряд недавних первопроходческих работ Я.А. Пеньковой (в частности, Пенькова 2014, 2016, 2017, 2018а, б). В них, в частности, впервые описывается достаточно широкий и устойчивый типологически круг нетаксисных употреблений футурального перфекта, в ряде отношений пересекающийся с семантикой плюсквамперфектных форм (достигнутая ситуация в будущем, немедленное следование, протасис, а реже и аподосис условного предложения, определительные придаточные, презумптив, эвиденциальность); по-видимому, именно условные употребления являются для славянской формы исконными. В древнерусском языке из 95 примеров на предбудущее, отмеченных в НКРЯ, 11 относятся к НСВ, причем список соответствующих глаголов разнообразен и свидетельствует о продуктивности (*быти* (2х)³, *имѣти*, *ходити*, *дѣяти*, *крати*, *кормити*, *любити*, *вѣдатися*, *писати*, *тружатися*).

3 С оговоркой об условности отнесения этого глагола к НСВ (см. предыдущую сноску).

В целом ряде славянских идиомов (польский, кашубский, русинский, западноукраинские говоры, а также кайкавские говоры и словенский) футуральный перфект эволюционирует в сторону выражения будущего времени как такового, ср. польск.:

(4) *Będziesz jeszcze dość tych niedziel miała.*

«У тебя *будет* еще сколько угодно таких воскресений» (танго «Утомленное солнце»).

Такой переход имеет типологические параллели в древнегреческом, латыни и романских языках: здесь важно, что в латыни и древнеиталийских, как и в славянских языках, предбудущее часто употребляется в протасисе условного предложения (ср. Пенькова 2018а; там же реконструкция цепочки семантических изменений). Во всех этих славянских языках, кроме словенского, в составе данной конструкции употребляется только НСВ, хотя, как показывают диахронические данные, в прошлом в сербохорватских говорах и в польском выступали оба вида, а сочетаемость с СВ была утрачена под влиянием конкуренции с презенсом совершенного вида (и одновременно существованием инфинитивной перифразы типа *будет писать*, во многих из этих языков также двувидовой) в условных контекстах. Утрата иных значений и специализация на чистой футуральности происходила одновременно с указанным процессом (специально о видовой проблематике см. Пенькова 2018б).

Таким образом, соотношение употребительности разных видов с временами перфектного ряда находится в связи с семантическим спектром этих времен в конкретных языках и его эволюцией. Специализация (бывшего) абсолютно-относительного времени на одном из дополнительных значений и утрата остальной семантики сопровождается и аспектуальной специализацией формы. Например, в русском или (в меньшей степени) сербохорватском (ср. Thomas 2000 с существенной коррекцией в Поповић 2012) высокая степень специализации на СВ объясняется семантическим движением плюсквамперфекта в сторону антирезультативного показателя (указывающего на недостигнутый или аннулированный результат; и в русском, и в сербском языке речь может идти о «нарушении нормального хода ситуации» в целом). В языках, где славянское предбудущее эволюционировало в сторону семантики простого будущего, сужается и его видовая сочетаемость – она ограничивается только НСВ.

Литература

ПЕНЬКОВА Я.А. (2014), «К вопросу о семантике так называемого будущего сложного второго в древнерусском языке (на материале Жития Андрея Юродивого)», *Русский язык в научном освещении*, n° 1 (27), с. 150-184.

- (2016), «Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели», А.М. Молдован (отв. ред.), *Труды Института русского языка*, вып. 10, с. 475-488.
- (2017), «К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции», *Die Welt der Slaven*, n° 2 (62), S. 247-275.
- (2018a), «От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы», *Вопросы языкознания* (в печати).
- (2018b), «Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности, эволюция», *XVI Международный съезд славистов. (Белград, 2018 г.). Доклады российской делегации. Славянское языкознание* (в печати).
- ПЕТРУХИН П.В. (2004), «Рец. на Benacchio 2002», *Вопросы языкознания*, n° 6, с. 134-138.
- ПОПОВИЋ Људмила (2012), «Функције плусквамперфекта у савременом српском и украјинском језику», *Јужнословенски филолог*, LXVIII, с. 113-145.
- СИЧИНАВА Д.В. (2012), «Русская конструкция с *было* и белорусский плюсквамперфект: сопоставительный анализ на материале белорусско-русского и русско-белорусского параллельных корпусов», В.И. Коваль (ред.), *Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина. Выпуск 2*, Гомель: ГГУ, с. 95-104.
- (2013), *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*, Москва: АСТ.
- (2018), «Славянский плюсквамперфект: пространство возможностей», *Вопросы языкознания* (в печати).
- СТЕВАНОВИЋ Михаило (1969/1989), *Савремени српскохрватски језик: граматички системи и књижевнојезичка норма. II. Синтакса*, 4 издање, Београд: Научна књига.
- ЧЕРНОВ В.И. (1961), *Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянскими языками*, Дисс. к.ф.н., Ленинград: ЛГПИ им. Герцена.
- ВАРЕНТСЕН Varentsen (2015), «Вид и плюсквамперфект в славянских языках», Мицуси Китадзэ (ред.), *Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития*, Киото: Tanaka Print, p. 14-20.
- БЕНАКЧИО Rosanna (2002), *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*, Udine: Societa Filologica Friulana.
- БЕРГЕР Tilman (2012), *Tempus und Aspekt im Tschechischen der Wiedergeburtzeit*, Vortrag auf dem 11, Deutschen Slavistentag, Leipzig, 4. Oktober 2012.
- ДАХЛ Östen (1985), *Tense and Aspect Systems*, Oxford: Blackwell.
- ДИКЕЙ Stephen (2000), *Parameters of Slavic aspect: a cognitive approach*, Stanford: CSLI.

- MERŠE Majda (1997), «Predpreteklik v Dalmatinovi Bibliji», *Jezikoslovni zapiski*, Letn. 3, št. 1, c. 9-24.
- THOMAS Paul-Louis (2000), « Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français », dans Anne Carlier, Véronique Lagae & Céline Benninger (éds), *Cahiers Chronos 6 – Passé et parfait*, Amsterdam / Atlanta : Rodopi, p. 117-131.
- TOPORIŠIČ Jože (2000), *Slovenska slovnica. Četrta izdaja*, Maribor: Obzorja.

